

щеніемъ съ нами. Ты посѣщаешь наши жилища, въ простомъ деревенскомъ домѣ среди сельской обстановки принимаешь ночлежный пріютъ; съ участіемъ входишь въ обсужденіе нашихъ нуждъ и потребностей. Намъ ли не восторгаться отъ такихъ отношеній Архипастыря? Въ этомъ мы видимъ осязательное доказательство, что между Тобою и нами существуетъ живая связь, — что она не ограничивается бумажною перепискою, но соединяетъ Пастыря и паству въ одинъ живой организмъ.

Прими же, Преосвященнѣйшій Владыко, наше слабое выраженіе чувствъ любви и уваженія къ Твоему высокому сану и Твоимъ личнымъ свойствамъ души! Благослови насъ, чтобы мы благодатію Святаго Духа улучшались въ духовно-нравственной жизни и приготовились не постыдно стать на страшномъ судѣ Христовомъ, на которомъ Ты небоязненно могъ бы сказать: Господи, се Азъ и дѣти мои.

1878 года
сентября 12-го дня.

Юхновскаго уѣзда села Власова,
священникъ Павелъ Заболотскій.

С Л О В О

въ недѣлю о разслабленномъ, въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государа нашего Императора Александра Николаевича и въ день объявленія Высочайшаго Манифеста о войнѣ съ Турціею.

Около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ при храмѣ Соломоновомъ находился домъ *милосердія*. Здѣсь лежало множество больныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, изсохшихъ, ожидавшихъ возмущенія воды Ангеломъ Божиимъ. Обратимъ вниманіе, что и въ

древнія времена любовь къ страждущему челоуѣчеству находилась въ неразрывной связи съ вѣрою въ Бога и міръ духовный, съ вѣрою въ безсмертіе души, вѣчную жизнь и съ земнымъ храмомъ живаго Бога. Можно посему быть увѣреннымъ, что гдѣ часто толкуютъ о любви къ своей бѣдствующей братіи и въ то же время или вовсе не знаютъ или намѣренно стремятся къ разрушенію всѣхъ высшихъ вѣрованій и общественнаго порядка, тамъ дышитъ не любовь къ страждущему челоуѣчеству, а вражда къ нему, такъ дѣйствуютъ не высшіе идеалы, а животныя страсти; потому что въ этомъ случаѣ любовь къ ближнему не имѣетъ почвы. По этимъ-то причинамъ эта змѣиная ложь въ орудіе своего распространенія избираетъ людей несмысленныхъ, безпокойныхъ юношей и даже дѣтей и среди ихъ съѣтъ свои ядовитыя плевелы, сама же подобно прокаженному или подобно нечистой совѣсти, прячется за предѣлами отечества или скрывается въ темныхъ углахъ и не покажется на свѣтъ Божій. Но возвратимся къ предмету рѣчи.

Въ этомъ то челоуѣколюбивомъ заведеніи былъ одинъ больной, страдавшій тридцать восемь лѣтъ. Въ такой длинный періодъ страдалецъ по всей вѣроятности и самъ свыкъся съ своимъ положеніемъ, да и всѣ, посѣщавшіе этотъ домъ милосердія, оставались равнодушными къ нему, считая его вѣроятно неизлѣчимымъ; потому что никто изъ нихъ не попытался оказать ему хоть какую либо помощь. По обычному теченію жизни каждый приходящій спѣшилъ помочь своему родному, знакомому или подававшему надежду на выздоровленіе. Только одинъ милосердый Господь, у котораго нѣтъ лицепріятія въ отношеніи къ людямъ, оказалъ помощь страдалцу: Онъ возвратилъ его къ жизни своимъ всемогущимъ словомъ въ одно мгновеніе, страдалецъ почувствовалъ себя здоровымъ, взялъ свой убогій одръ и началъ ходить. И вотъ

христіанскій міръ съ благодарностію къ Іисусу Христу за Его любовь къ страждущимъ воспоминаеть нынѣ о семъ событіи.

Что, еслибы это событіе совершилось въ наши дни? Какъ бы отнеслось къ нему современное поколѣніе? По нашему любопытству обстоятельство это обратило бы всеобщее вниманіе, о немъ много бы наговорили, много бы написали и придумали бы для него множество объясненій: сказали бы, что выздоровленіе страдальца послѣдовало отъ искуснаго сочетанія цѣлебныхъ веществъ, отъ вліянія пищи и питія, отъ благотворнаго дѣйствія воздуха, отъ неизвѣданныхъ еще наукою силъ природы и под.; слухъ о семъ на подобіе эхо въ пустынѣ прошелъ бы по всему міру, а потомъ—это обстоятельство предано было бы забвенію. И можно сомнѣваться, чтобы за исключеніемъ простыхъ вѣрующихъ сердець такое событіе приписано было непосредственно дѣйствующей всемогущей силѣ Божіей. При этомъ съ самодовольствомъ замѣтили бы, что наши времена далеко ушли впередъ, что они слишкомъ рѣзко отличаются отъ довѣрчиваго, дѣтскаго возраста прежнихъ временъ: у насъ—иная высшая культура, иныя понятія и взгляды, иныя научныя открытія и жизненные идеалы, иныя требованія, нравы и обычаи; сказали бы: что въ тѣ времена признавалось дѣломъ Божіимъ; то нынѣ часто объясняется путемъ причинъ самыхъ естественныхъ. Можетъ быть въ подобныхъ словахъ и есть нѣкоторая малая доля справедливости; но нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ гораздо больше заключается глубокаго заблужденія и бездушнаго самообольщенія, которое происходитъ отъ непониманія силы слова и дѣла Божія; потому что въ евангельскихъ повѣствованіяхъ, подобныхъ настоящему, взвѣшиваются, судятся и окончательно рѣшаются самые важные, самые насущные вопросы человѣческой жизни: потеряющіе своей важности ни въ какое время; въ нихъ изображаются и дѣйствуютъ люди не тогдашняго только времени,

но живыя лица всѣхъ временъ и народовъ, начиная съ насъ самихъ.

Вотъ родъ людей, знакомыхъ съ законами тогдашняго времени. Они твердо знаютъ букву закона, знаютъ множество прибавленій и толкованій на него, придуманныхъ измышленіями человѣческими и преданіями старцевъ; но они и понятія не имѣютъ о духѣ закона и его цѣли, отъ чего ихъ жизнь и отношенія къ людямъ проникнуты безжизненностію и безсечностію, какъ будто въ нихъ иссохли всѣ чувства, свойственныя природѣ человѣческой. Не смѣтруя на величіе дѣла, совершившагося на ихъ глазахъ, и на настроеніе неожиданно получившаго выздоровленія они спѣшатъ отыскать въ немъ нарушеніе непонимаемаго ими закона и готовы подвергнуть его наказанію за выдуманное ими преступленіе: „сегодня суббота, говорятъ они исцѣленному, тебѣ нельзя брать постель твою“. Какое имъ дѣло до того, что страдалецъ всю жизнь не имѣлъ покоя и отрады ни на одну минуту, что всю свою жизнь онъ питался горемъ и слезами и только благодаря милосердію Божію въ первый разъ почувствовалъ цѣну жизни? По ихъ понятіямъ пить, ѣсть и спать для своего удовольствія, спасать отъ бѣды свою овцу, вола и осла и преслѣдовать свои житейскія выгоды можно и въ субботу, а взять свой скудный одръ чловѣку чудесно исцѣленному и вступившему въ новую жизнь нельзя. Продолжай онъ страдать хоть еще столько дѣтъ, гибли не только больной, но съ нимъ вмѣстѣ разрушался весь міръ, — имъ до этого нѣтъ дѣла, лишь бы сохранилась дорогая для нихъ буква и форма закона.

Неужели же у этихъ людей, руководителей народной жизни и такъ много ручившихся, были такіа скудныя и тоціа убѣжденія, которыя составляли основаніе ихъ жизненной дѣятельности? Нѣтъ, эта формальная законность служила у нихъ, какъ это часто бываетъ въ жизни, только благовиднымъ пред-

логомъ для покрытія тѣхъ низкихъ и мелкихъ причинъ, которыми обыкновенно движется жизнь человѣческая и о которыхъ никто не скажетъ въ слухъ другихъ: это любовь къ славѣ и почету отъ людей, жажда корысти и прибыли. Не имѣя внутреннихъ добрыхъ качествъ эти люди чаще всего говорили другимъ о мнимомъ нарушеніи закона Божественнаго, до исполненія котораго они сами недотрогивались. Иисусъ Христосъ напомнилъ имъ о славѣ отъ единаго Бога, т. е. Онъ хотѣлъ привести ихъ къ тѣмъ высшимъ воззрѣніямъ и побужденіямъ, которыя происходятъ отъ руководства высшими предметами — мыслію о Богѣ, воздающемъ награду за подвигъ, о вѣчности, куда не входятъ никакіе земные расчеты, о нравственномъ долгѣ, связующемъ жизнь человѣческую съ дѣятельностію и жизнію Божественною; но эти слова падали на сухую, жесткую и неплодную почву.

И вотъ этимъ мелкимъ людямъ пришлось лицомъ къ лицу встрѣтиться съ силою Воплощенной Истины, услышать отъ Ней такую сильную рѣчь, какая была слышна только на Синайскомъ законодательствѣ. Спаситель говоритъ имъ напр. о постоянномъ сокровенномъ дѣйствіи Божиємъ въ мірѣ и жизни человѣческой, говоритъ, что эта таинственная дѣятельность принадлежитъ и Ему, какъ Сыну Божию, что Онъ, въ Себѣ самомъ носитъ источникъ жизни и отъ этого источника можетъ сообщать всякому способному принять ее, что исходящая отъ Него жизнь способна оживить не только нравственно-мертвыхъ, живыхъ, но и людей давно умершихъ и что наступитъ время, когда всѣ находящіеся въ гробахъ услышатъ гласъ Сына Божія и изыдутъ творящіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлающіе зло въ воскресеніе осужденія. Эти Божественныя слова конечно какъ древнихъ бездушныхъ людей, такъ многихъ изъ людей и настоящаго времени приводили въ недоумѣніе и возбуждали ихъ изумленіе: по сложившемуся въ нихъ

складу духовной жизни они не желали бы вѣрить этимъ словамъ; но въ этой рѣчи столько нравственной жизни, столько духовной силы, столько правды и возвышеннаго величія, что отказаться отъ ихъ истинности невозможно и нельзя представить ничего въ ихъ опроверженіе. Такъ преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, при всемъ желаніи и искусствѣ отклонить отъ себя преступленіе и объявить себя невиновнымъ, не посмѣетъ отвергать дѣйствительности происшествія. Для Божественной истины, начертанной на законахъ человѣческой жизни, нѣтъ нужды въ доказательствахъ, но по уваженію къ правамъ человѣческаго свободнаго духа и для привлеченія даже испорченныхъ людей къ добру и счастью любовь Иисуса Христа давала, какъ и всегда даетъ, возможныя доказательства справедливости своихъ словъ. Они признавали Иоанна Крестителя за великаго Пророка и радовались его появленію. Они посылали къ Нему съ вопросомъ о лицѣ Иисуса Христа, и получили въ отвѣтъ, что Онъ есть дѣйствительно Сынъ Божій и Агнецъ Божій, берущій на себя грѣхи міра. Они признавали себя учениками Моисея; Спаситель предлагаетъ испытать смыслъ его ученія: тогда они убѣдятся въ его достоинствѣ; потому что взоръ Моисея къ Нему обращенъ былъ и Онъ писалъ объ Искупителѣ. Они признавали себя чтителями Бога истиннаго и думали защищать его честь; но они не могли замѣтить свидѣтельства Его о Своемъ Сынѣ, выражавшемся какъ въ откровеніяхъ о Немъ, напр. при крещеніи, такъ и въ сопровожденіи каждаго слова Его и дѣла, всякой мысли и дыханія. Онъ представляетъ имъ доказательство наглядное до очевидности въ своихъ дѣлахъ, т. е. чудесахъ, которыхъ по числу, свободѣ и глубинѣ ни у кого не было даже изъ пророковъ. Больше нельзя было представить никакихъ доказательствъ: все исчерпано. И что-же вышло? Дѣло кончилось тѣмъ, чѣмъ всегда оканчивается въ подобныхъ слу-

чаяхъ, т. е. кто не захочетъ вѣровать въ Искупителя міра, того не убѣдитъ въ этомъ не только кто либо воскресшій изъ мертвыхъ, но и Самъ Господь Богъ. Такъ точно и здѣсь: у этихъ людей, побѣжденныхъ внутреннею силою Христовою и величіемъ Его личности, внутренно сознававшихъ свое нравственное ничтожество и не имѣющихъ силы противорѣчить Ему, усиливалась только внутренняя злоба, они стали преслѣдовать и искали случая убить Его, прикрывая свои преступныя цѣли благовиднымъ предлогомъ.

Не живое ли это изображеніе обыкновенной, всегдашней человѣческой жизни? Не видимъ ли мы повторенія этой евангельской исторіи не только въ отношеніяхъ частныхъ людей между собою, но и во взаимныхъ общенародныхъ отношеніяхъ? Не видимъ ли повторенія ея въ настоящихъ событіяхъ, совершающихся на нашихъ глазахъ и въ настоящія минуты? Тамъ вдали отъ насъ, на югѣ нашей части свѣта, евангельскаго разслабленнаго страдальца мы видимъ въ милліонахъ людей, близкихъ всѣмъ христіанскимъ народамъ по вѣрѣ во Христа, а намъ родныхъ по вѣрѣ и по крови. Они страдаютъ невыразимыми муками не тридцать восемь, а около пяти сотъ лѣтъ. Страдаютъ не только по тѣлу и внѣшнимъ образомъ, но и внутренно, духовно. Жизнь и существованіе этихъ страдальцевъ зависитъ отъ произвола жестокосердыхъ властителей, ихъ кровь безнаказанно можетъ быть пролита по прихоти блюстителей закона и во имя убѣжденій ложной религіи, каждый день они принуждены дрожать за свое существованіе и отходятъ ко сну безъ всякой увѣренности въ томъ, встанутъ ли они живыми; только съ опасностію для жизни они могутъ на нѣсколько минутъ оставить уголъ своей убогой хижины; но этого мало: они разбиты, изранены и оскорблены въ самыхъ глубокихъ чувствахъ человѣческой природы: религіозная святыня ихъ предается на поруганіе, священники предаются

истязанію и распинаются на крестѣ въ своихъ храмахъ, жены и дѣвицы насилуются или продаются въ рабство, младенцы и старцы умерщвляются, обезглавливаются и предаются безвинно самой постыдной казни; жилища ихъ сожигаются огнемъ съ ихъ обитателями, собственность насильно похищается и сотни тысячъ изгоняются изъ своихъ домовъ и съ мѣста своей родины. Въ теченіи столь длиннаго періода бѣдствій эти страдальцы многократно воздѣвали свои руки и слезно просили своихъ ближнихъ о помощи; но никто не поспѣшилъ къ нимъ на помощь, подобно тому какъ и у разслабленнаго не нашлось человѣка, который помогъ бы ему дойти до купели, какъ будто изъ живущихъ никто и не замѣчаетъ и не слышитъ его стоновъ и воплей! Когда же находился народъ сочувствующій и желавшій хоть немного облегчить горе этого многомилліоннаго страдальца; внезапно воздвигались со стороны презрѣнныхъ страстей человѣческихъ непреодолимая препятствія: какъ будто людямъ пріятно было продлить эти адскія муки невинныхъ, какъ будто для нихъ составляло удовольствіе стереть эти милліоны людей съ лица земли и съ веселыми пѣснями пройти по ихъ могиламъ.

Какими побужденіями руководились и руководятся народы при такомъ не только равнодушномъ, но злобномъ и убійственномъ отношеніи къ невиннымъ людямъ? Тѣми же самыми, по которымъ люди древняго міра враждебно относились къ Смы Божію, гнали Его и осудили на страшную смерть. Одни ссылаются на нерушимость прежнихъ договоровъ и условій, придуманные ихъ же хитростію, злобою и лувавствомъ, проповѣдуютъ о цѣлости и ненарушимости основаннаго на нихъ международнаго порядка и затыкаютъ уши свои при мысли о томъ, что не народы существуютъ для договоровъ, а эти условія составляются людьми и могутъ измѣняться съ обстоятельствами и потребностями времени: это тоже, что преданія древ-

нихъ, что въ субботу и добра никакого не должно дѣлать, хотя этотъ день и предназначенъ Богомъ для болѣе высшей жизни. И здѣсь, далѣе, какъ въ древнія времена, не уваженіе собственно къ международнымъ договорамъ руководить подыми спокойно смотрящими на страданія невинныхъ: этимъ покровомъ прикрываются болѣе низкія и грубыя страсти, о которыхъ стыдятся сказать во всеуслышаніе: это корысть, прибыль и происходящія отсюда удобства житейскія, страсть къ господству и первенству надъ другими, и вотъ подъ видомъ этихъ низкихъ, животныхъ побужденій гибнутъ самыя возвышенныя и святыя чувства человѣческія!

Остается только сказать, что дѣло не доходитъ до послѣднихъ предѣловъ жестокости, т. е. только не осуждаютъ прямо на смерть невинныхъ? Но когда одинъ народный представитель предъ лицомъ всего міра съ насмѣшкою говоритъ, что его соотечественники не призваны Богомъ защищать невинныхъ страдальцевъ отъ произвола и жестокостей ихъ властей, когда другой въ чувствахъ злости и досады публично возвѣщаетъ, что ему опротивѣло самое имя христіанъ, когда молодое поколение оказываетъ знаки сочувствія звѣрскимъ инстинктамъ и разбою безчеловѣчныхъ мучителей и готово вступитъ съ ними въ братскія отношенія для продолженія и поддержанія подлостей и насилія, — неужели послѣ сего далеко до рѣшительнаго истребленія съ земли живыхъ ни въ чемъ неповинныхъ людей? Но — благодареніе Богу, всѣхъ обнимающему всею необъятною любовью: у этого страдальца есть одинъ защитникъ на землѣ, сочувствующій его страданіямъ: это нашъ лагодчестивѣйшій Государь, а въ лицѣ его и весь русскій народъ, который умѣлъ уже выразить свои человѣческія и христіанскія чувства принесеніемъ въ жертву страждущимъ начителной части своего достоянія и пролитіемъ своей крови. Нынѣ по волѣ Провидѣнія наступило время выразить это

Отд. неофф.

2 л.

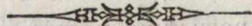

сочувствіе болѣе сильными и рѣшительными дѣйствіями: объ этомъ объявлено устами Помазанника Божія, нашего благочестивѣйшаго Государя, и присулено къ исполненію.

Принесемъ свои искреннія мольбы Искупителю міра, да благословитъ Онъ своею всемогущею силою оружіе Россіи да увѣнчаетъ успѣхомъ труды и подвиги нашихъ братій, душу свою налагающихъ за други своя, да воздвигнетъ Онъ многовѣковаго страдальца отъ ора скорбей и болѣзней и пошлетъ ему отраду и утѣшеніе; но въ то же время примемъ къ сердцу, усвоимъ себѣ духомъ, сдѣлаемъ своимъ личнымъ то дѣло которое вмѣстѣ съ русскимъ народомъ предпринято нашимъ Благочестивѣйшимъ Государемъ для поддержаія на землѣ справедливости, для защищенія высшихъ стремленій нашей породы, для сохраненія чести и достоинства нашего отечества и для облегченія бѣдствующей участи нашихъ единовѣрцевъ и единокровныхъ братій. Вѣдь и великія дѣла Господомъ Богомъ совершаются только тогда, когда въ нихъ выразится одною душою, однимъ сердцемъ, одною мыслию все общество человеческое, когда каждый руководится высшими нравственными и религіозными соображеніями, безкорыстнымъ и честнымъ исполненіемъ своего долга, подавленіемъ низшихъ корыстныхъ стремленій, принесеніемъ на общее дѣло доли своего достоянія, своихъ помысловъ, своего слова и дѣла; въ противномъ случаѣ всякого члена общества можно сравнить съ сухимъ или извѣденнымъ насѣкомыми листомъ на живомъ зеленомъ деревѣ. Аминь.

Священ. Д. Лебедевъ.

17-го апрѣля 1877 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ПЕЧАТНИЦА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
С. ПЕТЕРБУРГЪ